

ОБЛАКА

07.04.2015

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Вопросы организации работы воспитательных колоний, где содержатся осужденные за правонарушения, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, сейчас вновь стоят на повестке дня в Министерстве юстиции. Межведомственная Рабочая группа, состоящая как из руководящих сотрудников ведомств, так и из представителей гражданского общества, в настоящее время обсуждает проект закона о внесении некоторых изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Эти изменения предполагают возможность содержания малолетних осужденных в воспитательных колониях до окончания срока наказания. После достижения ими совершеннолетия они будут содержаться в изолированных участках той же самой колонии, но с режимом содержания, как в колониях общего режима. При этом такие участки должны быть созданы во всех воспитательных колониях.

На настоящий момент практика такова, что воспитанников, характеризующихся отрицательно, по достижении 18-летнего возраста, переводят во взрослые колонии общего режима. При хорошем же поведении, если есть шанс освободиться условно-досрочно или срок наказания заканчивается прежде, чем ему исполнится 19 лет, оставляют в воспитательной колонии.

Перевод осужденных к лишению свободы из воспитательных колоний в исправительные взрослые колонии происходит согласно статье 140 УИК. Здесь заложен принцип, когда от основной массы осужденных подростков отделяют тех, кто в силу своего возраста и наклонностей может отрицательно на них влиять или злоупотреблять своим преимуществом над младшими. Иногда и администрация колонии использует более старших и сильных для поддержания порядка в зоне.

Сейчас проводится расследование инцидента, произошедшего в середине марта в Ангарской воспитательной колонии Иркутской области. Согласно официальной версии этого ЧП, в одном из отрядов произошло возгорание. Воспитанники были экстренно эвакуированы из задымленного помещения. На место происшествия выезжали пожарные расчеты. И к утру пожар был полностью устранен.

В информационном сообщении, размещенном на официальном сайте ГУФСИН России по Иркутской области, говорится, что пострадавших не было, но для выяснения причин поджога назначена служебная проверка. Помимо прочих, рассматривается и версия умышленного поджога со стороны воспитанников колонии.

По сведениям правозащитников, к этому инциденту в Ангарской ВК привела систематическая практика злоупотреблений. Члены Иркутской общественной наблюдательной комиссии, опросив более половины воспитанников этой колонии,

выяснили, что причиной поджога были протестные действия малолетних осужденных, подвергшихся издевательствам со стороны так называемого «актива» колонии – за нарушения, свершенные якобы ими в течение предыдущего дня. «Актив» - это запрещенный уже несколько лет по закону институт привлечения одних осужденных для контроля и надзора за поведением основной массы заключенных. «Актив» это совершеннолетние осужденные, которых администрация назначила на должность бригадиров, завхозов, культторгов, негласно дав им в руки те полномочия, которых у осужденных в принципе не должно быть. Об этом сказано в Европейских тюремных правилах, так принято в цивилизованном мире.

В заявлении, которое было направлено Общественной наблюдательной комиссией Иркутской области в Генеральную прокуратуру, ФСИН и Уполномоченному по правам человека в РФ, рассказывается о тех методах издевательства и избиений, которые использовал этот «актив». Кроме того, со слов подростков, после ночных событий, когда они поджигали матрасы и простыни, сотрудники колонии уговорили бунтовавших пройти в здание школы и написать заявления в прокуратуру. Но когда они писали жалобы, в помещение ворвался спецназ и избил их дубинками.

По мнению ОНК Иркутской области, колонию необходимо взять под особый контроль и создать комиссию по расследованию ситуации. Общественной палате и Уполномоченному по правам человека ОНК рекомендует отслеживать ход расследования по событиям в Ангарской ВК во избежание фальсификации материалов и сокрытия истинного положения дел в колонии.

Подобные происшествия, не часто, но периодически происходят в воспитательных колониях. Считается, что в этом виноваты взрослые, то есть совершеннолетние осужденные, получившие возможность управлять другими, унижать и избивать их. Вопрос в том, как создать условия, чтобы такие ситуации как в Ангарской колонии, были бы невозможны в принципе.

Сейчас есть шанс сделать что-то на законодательном уровне. Рабочая группа в минюсте продолжает работать над законопроектом о поправках в уголовно-исполнительный кодекс. Поправки вызвали дискуссии представителей разных сторон - ученых, практиков, правозащитников. Обсуждается вопрос самого перевода во взрослые колонии, а также возраст, с которого осужденных следует переводить либо оставлять в воспитательной колонии.

Рассказывает член Рабочей группы директор Института прав человека Валентин Гефтер:

Всем кажется вполне разумным – зачем людей более-менее нормальных, отбывающих наказание, не злостных нарушителей, ни каких-то там, так сказать злодеев, переводить во взрослую колонию, если и времени мало осталось, и, главное, есть угроза, что во взрослой они попадут в гораздо худшие условия, влияния плохого контингента, и т.д. и т.д. То есть, желание вполне понятное тех, кто предлагает законопроект. Но естественно поступили и возражения. Возражения были такие: с одной стороны, мне показалось, что понятия отрицательно характеризующихся и положительно характеризующихся очень сильно зависят от отношения с администрацией – с тем или другим непосредственно

начальником. И вот это усмотрение – хотелось бы, чтобы оно было более объективным – если иначе вообще невозможно обойтись без характеристики.

Главное отличие предлагаемых поправок от действующего законодательства – принципиальный отказ, на уровне федерального закона, от перевода молодых осужденных во взрослые колонии. Такой подход разделяют многие правозащитники, по мнению которых знание того, что тебя ни при каких условиях не переведут в другую колонию, создает ситуацию определенности, в которой осужденному легче формировать и поддерживать выбранную линию поведения. В конечном итоге, это с большей вероятностью может дать положительный воспитательный эффект. Однако такая позиция не разделяется практиками из ФСИН, которые не видят возможности обеспечить достаточную изоляцию отдельных участков колонии, чтобы разделить подростков от уже ставших совершеннолетними осужденных. Продолжает Валентин Гефтер:

Они говорят – мы знаем, никакой изоляции там серьезной там не будет. Потому что у них общие столовые, общие спортивные площадки, все равно, это ж не тюрьма, в которой изолируются. А это люди опытные говорили из тюремного ведомства, не просто теоретики... а люди, работавшие на земле. Наверное, в этом тоже есть своя сермяжная правда... Что изолировать никогда идеально никогда не удастся...

В то же время, возможно, степень изоляции не обязательно должна быть абсолютной – ведь дело не только в высоте и надежности стен и заборов, и в количестве колючей проволоки – большую роль в воспитательной колонии, да и в любой другой, играет персонал, сотрудники, от которых зависит, насколько стены прозрачны, и насколько они защищают от проникновения в зону алкоголя, мобильных телефонов и других запрещенных предметов...

Сейчас основная озабоченность представителей гражданского общества, участвующего в подготовке поправок в УИК, в том, чтобы минимизировать дурное влияние на тех, кто поддается позитивному воспитательному воздействию и готов к принятию правопослушного образа жизни. У микрофона директор Института прав человека Валентин Гефтер:

В принципе идея правильная – оставлять хороших и как-то изолировать или вообще увозить даже может быть во взрослую колонию плохих, грубо говоря. Или с очень большими сроками, которые еще очень не скоро выйдут за... особо тяжкие. И вот это первое было – давайте мы не любого после 18-ти лет оставлять. А, предположим, до какого-то возраста, до 21, пока он уж полностью не созреет как взрослый человек. Или еще до какого-то возраста. Мне показалось это разумно. По крайней мере как идея для обсуждения.

Вторая важная идея, обсуждаемая разработчиками законопроекта, заключалась в том, чтобы уйти от понятий «отрицательно» или «положительно характеризующийся», и решать вопрос о переводе воспитанников в суде.

Перейти к какой-то более объективной процедуре рассмотрения вот этого перевода. Первое, что сразу пришло в голову – делать это по суду – так же как УДО и другие формы изменения статуса заключенного. Потому что в суде должен иметь возможность выступить сам человек, его законный представитель, поскольку это несовершеннолетний, член ОНК. То есть они могут, зная ситуацию с этим человеком, с этой колонией, представить суду

другую точку зрения, чем администрация. Если они совпадут с администрацией – замечательно. Это будет усиливать эффект предложения администрации о переводе или не переводе, или оставлении. Если не совпадут, то будет некая состязательность.

Против судебной процедуры возражают, прежде всего, представители ФСИН, у которых накопилось много претензий к судам из-за отказов в условно-досрочном освобождении осужденных. И по делам о переводе в изолированный участок воспитательной колонии они также видят большую опасность, что администрациям учреждений не удастся успешно отстаивать свою позицию. Поэтому рассматривались и внесудебные процедуры, которые могли бы быть задействованы – например, дисциплинарная или административная комиссия. Продолжает член Рабочей группы Валентин Гефтер:

Опять же – с участием самого осужденного, с участием его законного представителя, с участием члена ОНК. Где тоже, в публичном уже. Но не таком как судебная... все-таки это проще организовать - порядке обсуждалась бы эта проблема. То есть не была единоличное решение начальника, не было бы этой коррупциогенной составляющей, если вдруг подмазали, чтоб не было его такого... любого усмотрения, и там бы обсуждалось, есть ли у этого осужденного несовершеннолетнего, который стал совершеннолетним... предположим, злостные нарушения, незлостные нарушения, как он характеризуется не только с точки зрения начальника, но каким-то более объективными показателями.

Таким образом, даже на уровне законопроекта еще не определено, оставлять ли в воспитательной колонии *всех* осужденных, достигших 18 лет, до конца срока или искать какие-то другие формы. Под вопросом и то, в рамках какой процедуры – судебной или административной - должно проходить рассмотрение перевода осужденных в изолированный участок общего режима внутри той же воспитательной колонии.

Вместе с тем, положение осужденных подростков в воспитательных колониях сегодня требует большей определенности. Несмотря на то, что их количество существенно сократилось, и в каждом учреждении содержится не более 80-100 человек, оказалась возможной ситуация в Ангарской воспитательной колонии.

Мы не приводим описания всех издевательств, о которых осужденные подростки, содержащиеся в этой колонии, рассказали правозащитникам. Это тяжело читать и слышать. Результаты проверки, которую провели члены Общественной наблюдательной комиссии Иркутской области, они изложили в своем заявлении, направленном в правоохранительные органы. Сотрудники и воспитатели, - говорится в заявлении, - отошли от возложенной на них законом функции и передали все в руки малолетних активистов, которые наводили порядок в колонии по-своему, теми методами и приемами, которыми они владели. «Взрослым было так удобно» - делает вывод комиссия. Расследование инцидента в Ангарской воспитательной колонии продолжается.

Вы слушали программу Облака. Всем привет.